

Андрей МАКАРЕВИЧ «Сам овца»

автобиографическая проза

Андрей Макаревич то варит, то гастролирует, то рисует, то охотится, то сочиняет, то плавает в глубинах морей и океанов (в четверг, например, улетел на Аляску). При этом Вадимыч чурается журналистов, считая, что все о нем давно написано. Причем что ни скажи — остальное все равно напридумывают. Именно поэтому он стал теперь еще и писателем.

Книгу он написал в жанре "автобиографическая проза", и, поверьте, читается она на одном дыхании, в чем каждый из вас сможет убедиться уже сегодня. Макаревич верен своему поэтическому дару, поэтому проза ему удается так же легко и непринужденно, как его стихи. Из книги можно узнать о Макаревиче все (или почти все), о чем каждый его фанат хотел узнать, но боялся спросить. О детстве, о родителях, о ребенке, о машинах, о снах, о квартире на Ленинском и прочей мелочевке, скрытой от посторонних глаз.

И, конечно же, никто, кроме самого Макаревича, не расскажет лучше о своих самых близких друзьях... Сегодня мы предлагаем читателям два отрывка из новой книги писателя Андрея Макаревича.

Дмитрий ШАВЫРИН.

навязать ему дискуссию на тему "нужна ли мне машина". Он сказал, что с деньгами мы разберемся потом, велел мне взять с собой права и повез меня к черту на рога. У черта на рогах оказался автосервис, где уже довинчивали его готовую к продаже "шестерку". Она была белого цвета и очень, между прочим, по тем временам неслабая. Демонстративно не обращая внимания на мою робость, Валерий Ильич удостоверился в том, что я не путаю тормоз с газом, усадил меня за руль, вложил в руку ключи, пожелал счастливо добраться и захлопнул дверь снаружи.

Окаменев от ужаса, я медленно выкатился на какой-то проспект. Имея очень приблизительное понятие о направлении, в котором надо следовать, я пристроился в зад первому же автолюбителю и решил, что если буду двигаться за ним как тень, сохраняя дистанцию, то мне по крайней мере ничего не грозит. Вскоре выяснилось, что только на это моих сил и хватает — самостоятельно следить за светофорами, дорожными знаками и направлением движения я уже не могу. К счастью, парень ехал в нужном мне направлении.

Вскоре мы оказались на Садовом кольце. Паника постепенно отступала, ладони высохли. Я даже начал что-то такое тихонько напевать — для куража. И, ослабившись, проскокил поворот на Ленинский проспект.

В принципе я знал, что есть такая вещь — разворот, но чувствовал, что искусством разворота я еще не владею: это же надо было его найти, перестроиться, правильно к нему подъехать, вовремя развернуться, а потом, где-то уже у Ленинского, проделать все это еще раз! И я решил, что проще и мудрее будет проехать Садовое кольцо по новой, но уже точно не проскокить нужное место.

Через два часа я был в родном дворе. Долго сидел в машине, смотрел на лампочки на панели, переводил дыхание. Машина нравилась больше и больше.

Очень сильное первое ощущение от машины (когда уже перестаешь психовать по поводу вождения) — ощущение независимости и собственной изоляции. Метро, автобус — любой общественный транспорт, к которому ты привык, — едет туда, куда надо ему. Ваши маршруты совпадают, пока тебе с ним по пути. Такси, в общем, едет туда, куда нужно тебе, но тебя все равно везут, причем так, как считают нужным. И вдруг ты — один посреди города, защищенный от шума, взглядов и дурной энергетики толпы своим маленьким железным домиком, и — куда бы поехать? Некоторое время я просто купался в этом сладком одиночестве и свободе, потом — привык. Жалко, что привыкаешь ко всему хорошему.

Поселившись в Белом доме в Валентиновке, я не очень знакомился с соседями. Отчасти из-за высокого глухого забора, за которым не было видно, что это за соседи и что они там делают. Но то, что у соседей справа была собака, я знал — ее было слышно. Иногда рано утром я видел из окна, как она проходит через мой участок, непонятно каким образом туда попав, мелкой рысью, голова опущена к земле — волк волком.

Звали собаку Линда. Линда была, в общем, почти овчарка — с черной спиной, серыми боками и вполне немецко-овчарочьей мордой. Что-то мешало поверить чистоту породы, но для меня это никогда не было критерием — что еще за собачий расизм? Она исправно лаяла на посторонних (в том числе и на меня) из-за своей калитки и вообще производила впечатление собаки, твердо знающей и с честью несущей свои обязанности. (Позже я узнал, что эта хитрюга просто изображает то, что ждет от нее хозяин. Хочешь, сторожа покажу? Пожалуйста!)

И все бы шло как и шло, если бы однажды соседи не позвали меня криком через свой забор и не сообщили, что они обменяли свой загородный дом на квартиру в Москве и на днях переезжают, а брат дворовую Линду с собой в Москву не вводит в их планы, и в качестве единственной кандидатуры на место ее будущего хозяина они видят меня, а если я вдруг не соглашусь, то они

все равно оставят Линду здесь — и бог им судья. Я присоединился к богу в качестве судьи, но делать было нечего.

Единственное, что меня все-речь беспокоило, — это то, что Линда была уже далеко не девочка, ей было семь лет, а в этом возрасте хозяев не меняют. Хозяева же заверили меня, что их Линда ко мне исключительно хорошо относится, о чем она неоднократно давала им знать, и все у нас с ней будет отлично. После чего они объяснили мне, какой именно Линда любит суп (мясо с костями плюс макароны), привели ко мне чужое взрослое сильно встревоженное животное, быстро покидали мебель в грузовик и уехали.

Линда не сразу поняла, что произошло. Она смотрела то мне в глаза, то в сторону своего дома и тихонько скулила. К вечеру она принялась грызть забор, поранила десны, и ее пришлось посадить на цепь. На цепи она продела два дня, отказываясь от еды, и воя по-бабьи — без особой истерики, ровно, на двух нотах.

На третий день я понял, что надо делать. Я отцепил Линду от привязи, позвал за собой, вышел на улицу, прошел десять метров до калитки уехавших соседей, легко открыл ее (она заперлась на деревянную вертушку) и поднялся на крыльцо опустевшего дома — Линда за мной. "Смотри, Линда, — сказал я медленно и строго, — здесь больше никого нет". Линда понюхала запертую дверь, легла на крыльцо и закрыла глаза. Там она пролежала до вечера, а потом вернулась ко мне непонятным образом (я долго искал ее секретный лаз в заборе — так и не нашел). С этого момента я стал ее хозяином.

Линда оказалась удивительным созданием — по-своему преданным, но очень независимым, хитрым и вороватым. Впрочем, воровала она больше частью на стороне. В привязи она не нуждалась, и скоро под воротами был прорыт ход на улицу. Уходила она туда обычно ночами, а возвращалась утром и, как правило, с добычей.

Интересно, что добычу она несла не себе, а мне, и с гордостью клала ее к моим ногам. Чаще всего это были задушенные куры каких-нибудь не очень дальних соседей, и я лихорадочно бросался ловить летающий по участку белый пух. Как правило, это удавалось закончить до того, как в калитку стучалась бабушка и интересовалась — не зашла ли к нам случайно ее кура. Видели бы вы, какие честные глаза были в этот момент у Линды!

Помимо кур я часто получал от нее самые неожиданные предметы. Один раз, например, это была чугунная мясорубка еще с остатками фарша внутри. И все-таки Линдин рекорд — это большая кастрюля еще не совсем остывшего грибного супа. Кастрюля была белая, эмалированная, с цветочком на боку, без крышки и наполненная супом больше чем наполовину. Я не знаю, как Линда несла ее по улице и пропихивала под забором — я просто увидел ее утром на крыльце, выходя во двор, а рядом сидела Линда, прихорашивалась и улыбалась во всю морду.

Жить с такой собакой было можно.

Меня Линда серьезно оборвала лишь однажды, и вот как это было.

Посреди зимы я решил налепить домашних пельменей. Затеяться из-за двадцати штук не имело смысла, и я подошел к делу основательно: заготовил здоровенную миску фарша, замесил много теста, специально подгадал под морозный день, чтобы можно было морозить их прямо на дворе, и пригласил в помощь двух подружек. Работа в шесть рук шла быстро, периодически я брал поднос с готовыми пельменями и выносил на улицу — там у меня стояла беседка с большим круглым столом.

Я не заметил момента, когда Линда, внимательно наблюдавшая за нашей работой, куда-то исчезла (она вообще, как человек, обожала наблюдать за тем, как работают другие). Когда я вынес очередной поднос — а помешалось на нем штук сто, — я остолбенел. На столе в беседке было пусто, валялось несколько надкусанных пельменей — они, видимо, не вошли. Линды в беседке тоже не было — она лежала у крыльца, икала и пыталась вызвать у меня сочувствие. "Ви-

Андрей с сыном Иваном.

дишь, что ты наделал своими пельменями?" — говорили ее глаза. Линда съела около трехсот отборных пельменей ручной работы. Она пролежала у крыльца сутки, иногда с трудом удаляясь в сторону кустов. Наказывать ее рука как-то не поднялась.

В другой раз ко мне заехал в гости режиссер Саша Стефанович. Он любил заехать в гости теплым летним вечером с какой-нибудь двухметровой неразговоривающей подружкой и шашлычком. Причем как человек, не лишенный практического начала, шашлычка он привозил немного, без излишеств — так себе, мне и чуть-чуть для подружки. В этот раз он положил пакетик с шашлычком на лавочку и сразу увлек подружку в беседку — рассказывать ей очередную киноисторию. Я развел огонь в мангале, принес шампуры и заглянул в пакетик — там лежало три кусочка мяса. Я сделал поправку на Сашину экономность, но это все равно не вписывалось ни в какие рамки. Линду в таких ситуациях выдавало то, что она сидела, отвернув голову и глядя в сторону — скажем, на закат.

К постоянным моим гостям Линда привыкла быстро и относилась к ним так же, как и я, — не помню, чтобы она на кого-нибудь залаяла или зарычала. Не любила она только маленьких детей и милиционеров, уж не знаю почему — видно, что-то такое в ее жизни было. Несколько раз в доме у меня случайно срабатывала сигнализация, честные милиционеры приезжали, и тут уж им доставалось от Линды — я даже не предполагал, что она так умеет кусаться. Только глубокое чувство любви нашей милиции к "Машине времени" спасало меня (и Линду) от серьезных неприятностей.

Еще Линда боялась грома. Причем боялась его панически — никакие выстрелы не производили на нее такого впечатления. В этом было что-то женское — бояться грозы. Для спасения от грома существовало единственное место — щель под диванчиком в "дворничкой". Щель была высотой сантиметров пятнадцать, и как Линда туда пропихивалась, для меня осталось загадкой, но бояться грома она кидалась именно туда.

Однажды я, как водится, спешил в Москву по каким-то делам. Я выехал со двора, закрыл ворота и порулил в сторону Ярославского шоссе. Внезапно перед ка-

потом нарисовалась Линда, и я чуть не наехал на нее — она практически бросилась под колеса. Я резко затормозил, Линда отбегала шагов на пять и встала поперек дороги. Я попытался ее объехать, но она заслоняла мне проезд. Линда всегда абсолютно спокойно реагировала на мои отъезды, и я ничего не мог понять, пока не вышел из машины и не услышал далекие, еле различимые раскаты грома. Пришлось вернуться назад (причем эта сволочь теперь радостно бежала впереди), отпереть дом и пустить ее под диванчик, куда она моментально нырнула и шумно вздохнула с облегчением.

Была у Линды еще одна слабость — мужчины, то есть кобели. Она благоволила им круглый

год, но два раза в году, согласно особенностям сучьей жизни, это превращалось в форменную катастрофу.

Кобели со всей Валентиновки, большие и маленькие, всевозможных пород и мастей, собирались у меня перед домом, заглядывали в тоннель под воротами, Линдой прорытый, курили под окнами, зябли — звали Линду.

Линду распирало от женской гордости, но сама она ответного желания внешне не выказывала, даже поглядывала виновато — дескать, что ж поделаешь, если так получается.

Я запирал Линду в доме, но не научишь же собаку ходить на горшок. Фальшиво демонстрируя мне преданность и послушание, она выходила по нужде, пятась в

дверь задом и глядя мне в глаза, но как только задняя часть ее оказывалась за порогом, все тут же и случалось — через секунду на ней уже пыхтел какой-то жуткий кобель, Линда пожимала плечами, а на дне ее глаз светилось совершенно блядское удовольствие. В этот момент я обычно кричал, кобель разворачивался и бежал к воротам, а Линда, в соответствии с особенностями собачьей случки, ехала за ним на четырех лапах, продолжая при этом смотреть на меня в глаза. Кобель подбегал к воротам, собирался прыгать через них или под них подлезать, дальнейшее совместное передвижение грозило членовредительством, и я махал рукой.

Через несколько месяцев появлялись щенки — четверо или пятеро, и все они были абсолютно разными, так как Линда пыталась выйти пописать не один раз. Линда проявляла материнскую заботу, таскала их в зубах туда-сюда, очень быстро они начинали бегать и визгливо орать, и становилось ясно, что раздавать их надо немедленно. Я клал зверей в корзину, ехал на Арбат со скрипачом или баянистом — кто соглашался помочь, — таких чудовищ можно было пристроить только с помощью художественной акции.

На Арбате я находил самую оживленную точку, скрипач начинал играть громко и зазывно, а я неискренне кричал: "Граждане! Не проходите мимо своего счастья! Щенки от моей личной овчарки — умнейшего животного!" Вокруг моментально собирался народ, и щенки довольно быстро уходили — кто в Рязань, кто в Благовещенск. Так я неожиданно выяснил, что по Арбату гуляют исключительно приезжие.

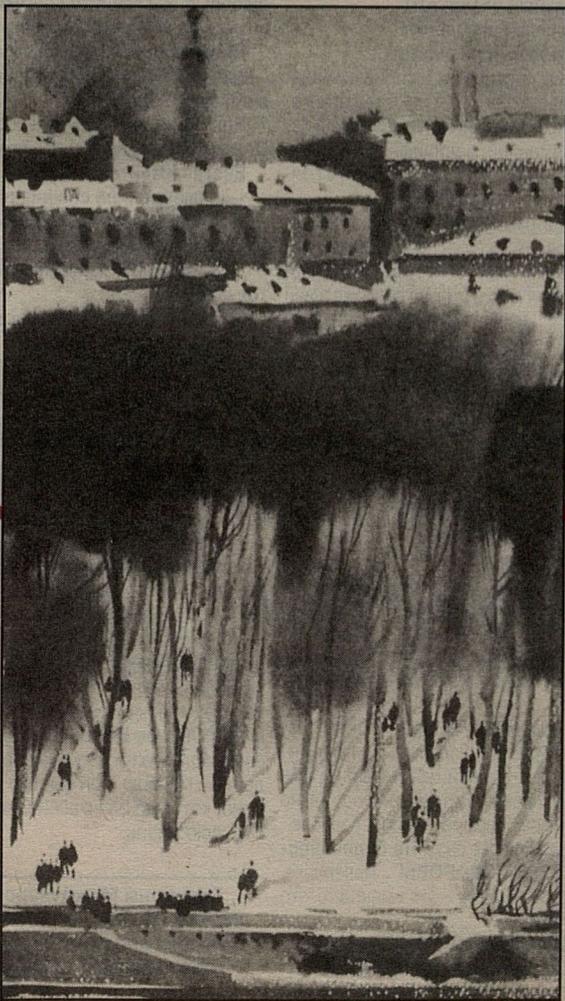
С каждого нового хозяина я брал клятву, что ни при каких обстоятельствах щенков не будет выброшен на улицу, а он с меня за это — автограф. Наибольшее недоумение вызывал тот факт, что щенки такой умнейшей овчарки раздаются бесплатно, и мне пытались втихаря сунуть в карман то червонец, то четвертак. Я возвращался домой с пустой корзиной, кляня потаскуху Линду, и через полгода история повторялась.

Однажды я приехал домой поздно ночью, усталый и голодный. Линда обычно встречала меня у ворот и шла следом за мной в дом. Я не обратил на нее особого внимания и сразу побежал на кухню — очень хотелось есть. Я зажег газ, и что-то заставило меня обернуться. Прямо за моей спиной посреди маленькой кухни сидела Линда, а вокруг нее — пять разномастных уличных кобелей. Линда пригласила их в гости — на ужин, видимо. Она смотрела на меня гордо и выжидающе, кобели по-деревенски стеснялись, но покидать пространство кухни не думали. Ситуация выглядела так по-человечески, что я даже растерялся. Пришлось тем не менее выгнать всю компанию на мороз. Очень тогда Линда на меня обиделась — ушла вместе с мужиками и не возвращалась до утра.

Линда прожила со мной пять лет, потом начала болеть, ей сделали операцию, и ясно стало, что осталось ей жить немного. Последние дни она лежала на своем матрасике в прихожей не шевелясь, но как только остатки сил возвращались к ней, пыталась выползти на двор — не хотела умирать в доме.

Я похоронил ее в дальнем конце участка, и мы устроили ей достойные поминки.

До сих пор иногда Линда приходит ко мне во сне и беседует со мной приятным мужским баритоном.

"Несколько раз в своей жизни я видел один и тот же сон. Суть его заключалась в том, что я должен был куда-то поспать, где меня ждали. По пути возникали разные бытовые сложности, я задерживался то тут, то там и в результате опаздывал, но както очень сильно — скажем, на целый день, и приходил, когда никого уже нет, свет пригашен, стулья перевернуты, и уборщица моет пол. Не знаю почему, но более острого чувства потери я не испытывал потом уже никогда".

Andrei
2009